

Ци Янь распорядилась прислать бумагу, кисти, тушь и чернильный камень, сказав, что это пригодится, когда через несколько дней Линь Ляоляо отправится на учебу в Гоцзыцзянь.

Ляоляо осмотрела принадлежности. Бумага на ощупь оказалась приятной: мягкая, гладкая, ровная, без шероховатостей. Чернильный камень тоже был хорош: если присмотреться, он отливал слабым блеском и выглядел безупречно чистым. Она постучала по нему пальцем — звук был глухим, как по дереву. Взяв в руки брусок туши, она ощутила чистый, резкий аромат. На просвет тушь казалась сине-фиолетовой, что соответствовало стандартам качества: при растирании она становилась маслянистой, а капля на вид напоминала лак.

Единственной проблемой были кисти. Ляоляо уставилась на подставку, и между её бровей залегла складка.

— Ох...

— Барышня, что случилось? — Цзыжоу увидела, что та пристально смотрит на подставку, и, решив, что с ней что-то не так, тоже наклонилась, чтобы присмотреться.

— Цзыжоу.

— Да?

— Скажи, почему эта кисть такая мягкая?

— После того как с госпожой случилась беда, матушка Вэй несколько раз едва не выплакала все глаза, — взгляд Цзыжоу потускнел. — Честно говоря, я тоже не верю, что госпожа случайно упала в реку, но...

— Ба-барышня...

— Что такое?

— ...

— Растирай тушь, растирай! Я собираюсь написать стихотворение!

— Смена положения. Самый большой выигрыш...

— Кроме меня, что еще произошло? Я имею в виду других людей, например, чье положение изменилось, кто от этого больше всего выиграл?

— Э-э... я хотела сказать, что каллиграфия — дело не одного дня...

Письмо и рисование каракуль — вещи принципиально разные. В письме важны сила кисти и нажим, а рисование — это просто мазня.

Цзыжоу, ковыряя ногти, втянула голову в плечи.

Ляоляо посмотрела на кончик кисти, пропитанный тушью:

— Я спрошу тебя вот о чем: что произошло сразу после смерти моей матери?

— Вы... вы что пишете? Я... я ничего не могу разобрать!

— Вы перенесли тяжелую болезнь.

Ляоляо не стремилась писать идеально, она лишь хотела, чтобы результат не было стыдно показать людям. В противном случае, если через несколько дней в Гоцзыцзяне она продемонстрирует свое творчество, над ней будут потешаться все вокруг.

— Барышня, если не получается, давайте не будем писать. В конце концов, полно людей, которые пишут некрасиво.

Ляоляо писала с невероятной скоростью, и глаза Цзыжоу округлились.

Почерк всегда был уродливым.

И как удачно, что этот недостаток Линь Цзиньхэ выручил Ляоляо. Хорошо, что он всегда был таким, иначе, если бы он вдруг испортился, это вызвало бы подозрения.

— Ты хочешь сказать, что в тот день, когда мать упала в реку, все в поместье отправились в храм жечь благовония?

— Есть ли у нас прописи?

Но главное — это письмо нужно было кому-то показать.

— Такая мягкая, как... как этим писать?

Уши Ляоляо покранели, и она тут же бросила кисть. Не то что Цзыжоу — она сама не могла разобрать, что нацарапала. Все было черным, грязным, тушь пропитала три листа бумаги насквозь, и выглядело это хуже, чем курица лапой. Столько добра перевела!

— М-м, вообще-то жертвоприношениями и молитвами должна была заниматься госпожа, но она болела, а храм находится в горах. Путь на повозке туда и обратно занимает не меньше двух часов. Старая госпожа побоялась, что здоровье госпожи не выдержит, и поручила это дело старшей госпоже Лю. В тот день старая госпожа, хозяин, старшая госпожа Лю, вторая барышня, а также вторая и третья ветви семьи — все уехали. Госпожа беспокоилась, что я еще мала и не справлюсь, поэтому отправила матушку Вэй с ними.

— О-о!

На самом деле, винить Ляоляо было нельзя: кто в современном мире пишет кистью? К тому же, в эпоху интернета у каждого под рукой ноутбук, не то что кисти — ручки и карандаши почти никто не использует. Ляоляо с момента окончания выпускных экзаменов забыла, как выглядит перо.

Цзыжоу указала пальцем на кончик кисти:

— Обратный отсчет? — Цзыжоу склонила голову набок. — Барышня, я не понимаю...

С прописями дело пошло куда лучше. Будь то кисть или обычная ручка — все решается упорной тренировкой. Главное — писать больше, тогда и результат придет.

— Дай сюда!

Ляоляо глубоко вздохнула. Кто сказал, что так нельзя? У меня дома кисти были совсем другими.

— Вся семья уехала как по заказу. Какое удивительное совпадение.

— Цзыжоу, знаешь, когда не можешь разобраться в ситуации, двигаясь вперед, нужно попробовать проанализировать её в обратном порядке. В мире нет стен без щелей, как и не бывает событий без причин.

— Барышня, разве кисти не все такие?

— ...

Ляоляо уловила некую нить. Что значит — дело не одного дня?

— Мой почерк... очень уродливый?

— ...

Она старательно копировала иероглифы из прописей, обдумывая слова Цзыжоу.

— Эй, давай выберем что-нибудь попроще!

Честно говоря, она и обычной ручкой-то писала неважно, не говоря уже о кисти.

— Есть.

Ляоляо беззвучно прошептала, сложив губы в форме иероглифа Лю.

Цзыжоу внезапно осенило, и она воскликнула:

— Вы хотите сказать, Лю...

— Тс-с!

— Барышня... это невозможно. Когда с госпожой случилась беда, её не было в поместье.

Какая же она глупенькая. Если бы Лю Хуэй была в поместье, она бы не смогла оправдаться. А так — она ловко вывела себя из-под удара.

— Ты веришь в интуицию?

— ...

— Как только ты отбросишь все невозможное, то, что останется — пусть даже самое невероятное — и будет истиной.

— Барышня...

— Зови меня Шерлок Ляоляо.

— Барышня, вы о чем? Ваша одежда...

Ляоляо опустила голову. Она не заметила, как прислонилась к краю стола, и еще не высохшая тушь отпечатками легла на талию и живот.

— Ой! Мое новое платье!

Такое красивое платье цвета шафрана с узором нарциссов — пропало!

Последние дни Линь Минсюню доставалось от Лю Хуэй не на шутку — говорят, она отвесила ему не меньше двадцати ударов по ладоням.

Вспыльчивый нрав маленького господина был усмирен, руки покраснели, но ему все равно приходилось прилежно корпеть над прописями в кабинете.

— Неужели правда была?

— Конечно, правда, — матушка Цзян выпятила губы. — Слуги в павильоне Циньсэ видели все своими глазами, по всему поместью разнеслось.

Ци Янь сжала платок и недовольно фыркнула:

— Она умеет разыгрывать спектакли. Раньше души в нем не чаяла, не то что ударить — косо посмотреть боялась, а теперь, надо же, взялась за наказания? Наверное, делает это напоказ старой госпоже, боится, что та заберет у неё Сюнь-гэра. Если сына не будет рядом, на что ей тогда опираться? Со стороны старухи не было вестей?

— Нет, уже два дня — ни слова.

Ци Янь потерла виски:

— По правде говоря, мысли старой госпожи мне часто непонятны. По логике, Сюнь-гэр — старший внук и единственный мужчина в роду Линь, она должна была бы заботиться о нем больше всего. Но мне кажется, ей совсем не до него. Приходят люди с поклоном — она спросит пару слов, не приходят — не зовет. Целыми днями только и делает, что медитирует или читает сутры. Ты не представляешь... каждый раз, когда я иду в зал Нинъань, издалека вижу только смутный силуэт и уже хочу развернуться обратно. От этого запаха благовоний меня воротит. В нормальном доме — и вдруг как в монастыре.

— Госпожа, такие вещи говорить нельзя!

— Я же не при чужих людях говорю, просто болтаем за закрытыми дверями, — Ци Янь махнула рукой и добавила: — Мне кажется, старая госпожа больше печется о старшей барышне. Сколько времени прошло с тех пор, как её забрали из двора Цзиньлань в зал Нинъань? И до сих пор не хочет возвращать. Если она так жалеет внучку, могла бы быть справедливой ко всем. Мои Ланьэр и Юээр — я что-то не видела, чтобы она была к ним так внимательна!

— Так ведь старшая госпожа Сунь рано ушла, — матушка Цзян наклонилась к самому уху Ци Янь и понизила голос: — Вы же знаете, старая госпожа все эти годы не может забыть о смерти старшей госпожи Сунь.

Сердце Ци Янь дрогнуло, в глазах промелькнуло нечто неясное.

— Сколько лет прошло с тех пор, как она умерла?

— Десять лет.

— Ох, уже десять лет...

— То-то и оно. Старая госпожа всегда чувствовала, что в этом деле есть какая-то тайна. Когда это случилось в Сулине, сколько было проверок? В то время все в доме ходили как на иголках. Жаль только, ничего так и не выяснили. Старая госпожа сама не может переступить через это, чувствует вину, вот и перенесла все свои чувства на старшую барышню, — матушка Цзян покачала головой. — Госпожа, пусть балует её, если хочет. В конце концов, это всего лишь девчонка. Через пару лет выдадут замуж, и к семье Линь она уже не будет иметь никакого отношения.

— Как думаешь, она действительно упала в реку?

— Кто знает? — матушка Цзян вздохнула. — У каждого долга есть кредитор, у каждого убийцы — жертва. Если её и правда погубили, пусть идет в подземное царство жаловаться Янь-вану.

Ци Янь холодно усмехнулась:

— И то верно. Во всяком случае, нас это не касается.

Только она закончила говорить, как служанка за дверью принесла отвар:

— Госпожа.

— Оставь.

Служанка поставила лекарство и, поклонившись, удалилась.

— Позвольте мне остудить его... — предложила матушка Цзян.

— Не надо. Чем холоднее, тем горше, буду пить так. — Ци Янь взяла чашу и одним глотком осушила её, но длинные ресницы не смогли скрыть отвращение в её глазах.

За несколько дней тренировок почерк Ляоляо, может, и не стал идеальным, но, по крайней мере, стал разборчивым.

У Ляоляо с детства была привычка: как только она садилась за книги, её тут же клонило в сон. Сейчас веки налились свинцом, и ей хотелось подпереть их спичками. То платье из шафранового шелка было испорчено, сегодня на ней было другое — новая плиссированная юбка Жуи.

— Барышня, может, отдохнете немного? — Цзыжоу прислонилась к краю стола, наблюдая, как её госпожа уже седьмой или восьмой раз клюет носом.

— А? — Ляоляо резко дернулась, рука соскользнула со стола, и она вздрогнула. — Не надо, я не хочу спать.

— Может, тогда я заварю вам чаю?

Ляоляо мельком взглянула на пустую чашку на углу стола. Чай, казалось, на нее не действовал — она пила его и все равно засыпала.

— Вот бы сейчас покурить...

Ляоляо подняла руку, прижала указательный и средний пальцы к губам и с силой втянула воздух.

— Пш-ш... фу-у...

— Барышня... вы, вы о чем? Что покурить? Что вы хотите покурить? Я вас не понимаю.

— Да так, сигареты, дым... э-э... просто, вдохнуть немного земной жизни. Забудь, забудь.

— ...

Тем временем в павильоне Циньсэ Линь Минсюнь плакал, переписывая статью десять раз подряд.

Его нежные, пухлые ручки за эти дни покраснели и распухли. Лю Хуэй была непреклонна, а Линь Сыюань начал жалеть сына:

— Ты его родная мать, а не мачеха. Ребенок совершил ошибку — учи его постепенно. Разве можно так бить и ругать?!

Лю Хуэй заметно похудела, её округлые формы стали тоньше, а темно-синее шелковое платье делало её одновременно изможденной и величественной.

— Если не бить, из него ничего путного не выйдет. Я жалею лишь о том, что раньше была слишком мало.

Услышав плач Лю Хуэй, Линь Сыюань обернулся и увидел слезы на её щеках. Мужчины такие существа — не могут видеть женских слез, особенно если плачет слабая женщина. В нем тут же разыгралось желание защитить:

— Подумаешь, пошалили с сестрой! Зачем же так строго?

Прослужив много лет и сумев перебраться из Сулия в Цзинду, Линь Сыюань, помимо тех денег, что тайно тратила Лю Хуэй, обладал и собственным умом. Постояв в раздумьях, он вдруг сказал:

— Я пойду к матери! Не верю, что это дело нельзя решить по-другому!

— Хозяин, нельзя! Во всем виновата только я...

Лю Хуэй только начала плакать, как пришла нянюшка Тао. Увидев эту сцену, она — человек опытный, повидавший дворцовые интриги, — не нашла в происходящем ничего удивительного.

— Приветствую хозяина и госпожу.

Линь Сыюань собирался идти к матери, но теперь, когда перед ним стояла нянюшка Тао, он вытаращил глаза, а в горле будто застрял ком — он не смог вымолвить ни слова.

— Старая госпожа сказала, что поздняя осень сменяется ранней зимой, а в этом году она наступила рано. Сюнь-гэр слаб здоровьем, и она велела мне передать ему плащ из лисьего меха.

Нянюшка Тао передала плащ служанке рядом с Лю Хуэй и добавила:

— Старая госпожа также просила передать: мягкая мать портит ребенка, строгая — любит. Сюнь-гэра пора как следует воспитывать.

Сказав это, она поклонилась:

— Я откланяюсь.

<http://bllate.org/book/18628/1793580>